

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А85

Арсеньева, Елена Арсеньевна.

А85 Ваш милый думает о вас / Елена Арсеньева. — Москва : Эксмо, 2025. — 384 с.

ISBN 978-5-04-206960-4

«Ваш милый думает о вас, а все страдания закончатся венчанием». Вот что запомнила из гадания Юлия Аргамасова. Но кто он, этот милый? Красавчик Адам, с которым Юлия бежала из родительского дома, быстро разочаровал. Все мысли и чувства захватил Зигмунд Сокольский, с которым она провела роковую ночь... Теперь Юлия в плену страсти. Но разгорелось Польское восстание, и Зигмунд пропал — ведь он офицер. Вот только какой армии? Он свой или враг?..

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-206960-4

© Арсеньева Е., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ОБМАНУТЫЙ ЖЕНИХ

... *Н*очник не горел; пока глаза привыкали к темноте, Юлии пришлось постоять у двери, вдыхая запах табака и пыли, хорошей перчаточной кожи и чего-то особенного — словом, запах мужчины.

Она по-прежнему ничего не видела. Все небо за окном затянуто тучами, ветер ярится, а здесь так тепло, так тихо. Так томно!

Очертания кровати выступили из тьмы, и Юлия торопливыми, невесомыми шажками добралась до нее, постояла мгновение, глубоко вздохнув, и осторожно присела, а потом прилегла с самого краешка. У нее было такое ощущение, будто бросилась она в эту роковую постель как в омут.

Ну ничего! Самое главное сделано! Самое страшное позади! И теперь можно не мучиться сомнениями, как вчера, как всю дорогу до станции: «Может быть, сегодня. Может быть, уже этой ночью...»

* * *

«Может быть, сегодня! Может быть, уже этой ночью мы станем любовниками. Нет, мужем и женой!»

Конь устало взбрыкнул; Юлия натянула поводья, чувствуя, что краснеет: а вдруг скакун почуял ее горячие мысли?

Подбежал работник: «Проше тутай¹, добрый пан, ясная пани!» — подхватил лошадей под уздцы, сунулся было поддержать стремя, но Адам оказался проворнее и уже соскочил с седла, ревниво оттолкнул работника, принял Юлию на руки и медленно, неохотно опустил на землю, крепко прижимая к себе и скользя губами от виска к шее. И снова эти мысли, от которых перехватывает дыхание и слабнут ноги: «Сегодня ночью!» Юлия видела, как бьется синяя жилка на его горле, и не сомневалась, что он думает о том же!

Работник пялился на них с любопытством.

— Н-но, холоп!.. — Адам, очнувшись, брезгливо отстранил его с пути рукоятью хлыста и, подхватив Юлию под локоток, повел в дом.

Несколько мохнатых шавок с лаем бросились из-под крыльца, и Юлия тихонько засмеялась: уж больно старательно выслуживались собачонки перед сухоньким человечком в старом кунтуше² и форменной фуражке, напыленной явно впопыхах, и хотя начальник станции силился принять достойно-грозный вид, сразу было ясно, что натура у него добрейшая.

— Лошадей! — скомандовал Адам. — Но прежде ужин!

«Значит, поедем дальше! — разочарованно вздохнула Юлия. — Ну что ж, это самое разумное. Ведь почти ночь на дворе! Господи, я так устала! И вообще...» — она прикусила губу, изо всех сил стараясь держаться небрежно и не выказывать, до чего она оби-

¹ Пожалуйте сюда (польск.). (Здесь и далее примечания автора.)

² Кунтуш — польский кафтан.

делась на Адама, который, оказывается, жаждет ее меньше, чем она его.

А следовало бы наоборот!

Тем временем начальник станции что-то отвечал, всплескивая руками, но из-за лая проклятых шавок трудно было хоть что-нибудь разобрать.

— Тють, скаженные! — вдруг заорал он могучим басом, неожиданным для его сложения, и трижды топнул ногой. Шавки, сочтя, очевидно, свою службу выполненной и вполне одобренной, немедленно убралась туда же, откуда взялись, а начальник станции повторил и слова свои, и жест, и мимику крайнего отчаяния:

— Лошадей?! Какие лошади?! Две клячи на дворе, да хоть бы их и не было вовсе! Что с них проку?! Ни под седло, ни в упряжку! Что сегодня с вельможными панами поделалось? Все так и гонят в Варшаву!

— Мы едем из Варшавы, — подала голос Юлия, однако это дела не поправило: начальник станции вновь всплеснул руками и заговорил, смешивая русскую и польскую речь:

— Пшепрашам бардзо¹, ничего не могу поделать, даже заради чудесных очей ясной пани! Однако же проше пана, пани не гневаться и не печалиться. В доме моем они отыщут уютный ночлег, а к утру кони вполне отдохнут и смогут вновь нести на себе таких прелестных седоков!

Юлия не могла не улыбнуться этим цветистым речам. Вдобавок она вовсе не была огорчена тем, что предстоит заночевать здесь. Итак, ночь с 16 на 17 ноября 1830 года навсегда сохранится в ее памя-

¹ Прошу прощения (*польск.*).

ти! Сколько раз, пока они ехали рядом с Адамом — так близко, что лошади их чуть не терлись боками, — Юлия делала вид, что засматривается, как сияет божий мир под чистым небом, радуясь последним погожим денькам, как солнце прячется за речку, как заря румянит облака, а сама думала: как поведет себя, если вдруг Адам возле какого-нибудь уединенного стожка остановится, снимет ее с седла, опрокинет в душистое сено... Она и хотела, и боялась этого. Ну вот, время пришло! Конечно, здесь, на станции, в простынях, перинах и подушках, все будет не так романтично, как в душистом, шуршащем сене, однако что ж, такова судьба!

Она вздохнула обреченно-счастливо — и не поверила своим ушам, услышав, что Адам требует для них две комнаты. Кровь бросилась ей в лицо. Две?! И тут же Юлия мысленно пристыдила себя: разумеется, она все время забывает, как благороден Адам. Несомненно, он желает Юлию так же, как и она его, однако пока они не повенчаны, пока не стали по закону мужем и женой... Ах, как это правильно! Как благоразумно! Как пристойно! И как скучно! А разве не от этой самой скучной благопристойности очертя голову бежала она из родительского дома?! И вот... Слезы навернулись на глаза, но тут же новая догадка мгновенно высушила их: да ведь Адам просто не хочет компрометировать ее перед этим забавным старичком! А вдруг тот заметил, что на ее плотно обтянутом перчаткою пальце нет необходимой выпуклости, указывающей на обручальное кольцо, и называет ее «пани», а не «панна» только из деликатности? Эти две комнаты заказаны Адамом лишь для отвода глаз, ну а ночью, несомненно... О, несомненно!

Юлия ободрилась, перестала хмуриться и с выражением приличествующей скромности на лице вошла в дверь, почтительно отворенную для нее начальником станции.

Она очутилась в просторной комнате, ничем не отличающейся от всех других на почтовых станциях, на которых приходилось ей бывать. Гитара на стене — развлечение начальниковой дочки, жены или приберегаемая для забавы господ проезжающих, — переkreщенная со старопольским орудием славы — карабелюю; на окнах — нарядные розовые фуксии, похожие на куколок в кокетливых юбочках; в рамках под стеклом — гравированные портреты великих шляхтичей, среди которых неременная принадлежность всякого польского дома — изображение великого гетмана Яна Собесского, по прозванию *Savitar*¹ Речи Посполитой, чье имя в веках наводило страх на неприятелей. Тут же висела книжная полка, а на ней, аккуратной стопочкой, — газетные листы Дмушевского, примерного летописца каждого дня и каждого события Варшавы, — «дела веков, дела минуты». В затемненном уголке висел еще какой-то портрет, и Юлии понадобилось изрядно приглядеться, чтобы его рассмотреть. К своему немалому изумлению, она увидела изображение Наполеона I и приподняла брови. Не больно-то это прилично: подданным Российской империи иметь на видном месте первого российского супостата! Впрочем, Юлия отлично знала о слепой преданности поляков Корсиканцу, обещавшему возродить Великую Польшу, а вместо этого ввергнувшему ее в новые распри

¹ Спаситель (*лат.*).

с могущественной Россией. Во многих домах годами хранились такие портреты, сделавшись уже более предметом украшения, обстановки, нежели кукла, а потому на них сурово реагировали только старые служаки, еще не забывшие горячих схваток с французской армией, вроде... Нет, об этом лучше и не задумываться!

— Чего изволите откусать? — захопотал начальник станции. — Цыплята, раки, спаржа?

— Да! — воскликнула Юлия, вмиг забыв обо всем и чувствуя только, как ужасно проголодалась. — Цыплята, раки, спаржа — и скорее, скорее!

Хозяин позволил себе понимающе усмехнуться.

— Юзефа, подавай на стол! Аннуса, помоги ясно-вельможной пани!

Явилась чернобровая дородная хозяйка, бывшая чуть ли не вдвое выше супруга, присела в поклоне и принялась с проворством фокусника метать на стол кринки, блюда, тарелки, от которых шел дразнящий аромат вкусной и горячей еды. Прибежала молоденькая девушка, верно дочь хозяина; сделала хорошенький книксен и с благоговением приняла у Юлии салоп на черно-бурой седой лисице, покрытой серым атласом. Юлия заметила, что девушка на миг зарылась в душистый мех, а когда подняла покрасневшее личико, в ее голубых глазах сверкнула откровенная зависть.

Какое-то мгновение панны мерили друг друга взглядами. Хозяйка заметила, как беззастенчиво дочь разглядывает высокородную гостью, и возмущенно дернула Аннусю за юбку:

— Ну, чего стала?!

Дивчинка унеслась как вихрь, и Адам, с явным интересом наблюдавший за безмолвным поединком, повел Юлию к столу.

Они сели — и Аннуса вмиг была забыта. Осталось лишь восторженное созерцание и блаженное осязание отлично поджаренных, золотистых цыплят, с выступившими на их крылышках капельками жира, в обрамлении зеленых палочек чудесной спаржи. Было что-то невыносимо возбуждающее в том, как Адам с Юлией сидели на разных концах стола и ели, не сводя глаз друг с друга, враз беря то по палочке спаржи, то по белому, сладковато-солененькому кусочку раковой шейки; было что-то почти любовное в совместном движении их губ и языков, дразняще эти губы облизывающих... А когда Юлия взяла изрядную, толстую цыплячью ножку и поднесла ко рту, ее вдруг посетило неприличное воспоминание о том, как одна девочка у них в институте благородных девиц говорила другой девочке, а та — третьей... и в конце концов дошло до Юлии, что, когда мужчина и дама ложатся в постель, некоторые особы ласкают своих любовников особенным, изощренным, диковинным способом, целуя ту часть их тела, о существовании которой воспитанные девицы не должны были даже подозревать. И сейчас ей представилось, как она позволит себе с Адамом все-все, даже самые опасные ласки, только бы их страсть не знала предела!

В эту минуту топот копыт и истошный лай со двора возвестили о прибытии новых гостей, и не успел станционный смотритель, по обычаю, выскочить на крыльцо, вновь прибывшие уже вошли в залу.

* * *

— Не дело, не дело, пан Тадек! Ветчина у вас, гляжу, еще по двору ходит в первозданном виде, да и жареный цыпленок вон кудахчет! — воскликнул с порога один из гостей, высокий статный мужчина в толстом, видимо очень теплом, плаще с пелериною, сняв мягкую дорожную шляпу, резко тряхнув смятыми волосами, отчего они взлетели и сразу улеглись надо лбом пышной темно-русой волной. — Мир вашему дому!

— Патер ностер... — восхищенно прошептал начальник станции, устремляясь вперед с радушно простертыми руками, в одной из которых была зажата бутылка, что выглядело весьма комично. — Патер ностер, Матка Боска! Да ведь это пан Зигмунд! Да нет, быть того не может! Мои очи лгут мне!

— Полно вам клеветать на свои очи! — улыбнулся вновь прибывший, и улыбка эта вызвала восторженное сияние на пышном лице Юзефы и прелестном личике Аннуси.

Этот человек был из тех, кто сразу обращает на себя внимание окружающих и завладевает им всецело. Он как бы заполнил собою всю немалую станционную горницу! И не потому только, что был высок, широкоплеч, изящен и проворен в движениях; не потому только, что его светлоокое лицо имело запоминающиеся, мужественные, красивые черты. Он обладал силой, которая поражала более, чем красота: силой вождя, заводилы, впереди идущего, на которого взирают почтительно и восторженно последователи, готовые по первому мановению его руки ринуться бог весть куда! На подвиг! На бой! На смерть!

Юлия даже поехала, ибо Зигмунд на миг напомнил ей отца, а генерал Аргамаков был, ей-богу, последним человеком, о котором сейчас хотелось думать! Поэтому она взглянула на другого гостя, который вытирал платком усталое лицо и с отчужденным равнодушием озирает стены станционного помещения.

Он был невысок, плотного сложения и уже склонен к полноте, невзирая на молодость: ему было едва за двадцать. Черные волосы оттеняли бледность лица, в котором было что-то орлиное, надменное: в этих широко расставленных круглых, немигающих глазах, в коротком горбатом носе, в поджатых губах маленького рта... Юлии показалось, что она уже видела этого человека прежде: высокомерно-сосредоточенное выражение его лица было чем-то знакомым.

Несомненно, знал его и пан Тадек. Во всяком случае, вид у доброго хозяина сделался такой, словно он повстречал призрак, а глаза испуганно сновали от лица гостя к портретику, висевшему в темном уголке.

«Вот на кого он похож! — внезапно сообразила Юлия. — На Бонапарта! Ну прямо как две капли воды! Бывают же такие чудеса!»

— Позвольте рекомендовать друга моего, — Зигмунд отвесил полупоклон в сторону своего спутника. — Пан...

— Милостивый боже! — восторженно перебил пан Тадек, разве что во фронт не вытягиваясь перед гостем: — Ваше ве... ваше вы... ваше превосходительство!

Однако тот покачал головой:

— Зовите меня лучше пан Валевский. Это имя не хуже прочих.

— Слушаюсь! — рявкнул хозяин изумительным басом, и Зигмунд, невольно прижмурясь, похлопал его по плечу:

— Спокойно, пан Тадек! Спокойно! Не пора ли приняться за ужин, если, конечно, и для нас найдется корочка вашего чудесного хлебца?!

— О, пан Зигмунд! — захлебнулся радушием хозяин станции. — Да для вас... для вас! А ну, Юзефа, Аннуся! А ну!..

Зигмунд одобрительно кивнул хозяину и наконец-то соизволил обратить внимание на сидящих за столом: «Прошу прощения у дамы!» Однако Юлии, когда эта гордая голова склонилась перед нею в изысканно-небрежном поклоне, вдруг почудилось, что Зигмунд заметил ее, едва вошел, а приветствие оттягивал вовсе не из-за суматохи, учиненной паном Тадеком, а по непонятному, оскорбительному пренебрежению к ней и в особенности к Адаму.

— Зигмунд Сокольский, позвольте рекомендоваться! — щелкнул он каблуками, подтвердив мысленную догадку, что этим широченным плечам более пристал мундир, чем статское платье.

Юлия вежливо улыбнулась в ответ. Взгляды их встретились, и ее поразило изумление, сверкнувшее в его холодновато-голубых глазах, почти мальчишеская растерянность. Да и она вдруг ощутила себя одиноким, потерявшимся ребенком, которому сейчас необходимо срочно прильнуть к чьей-то широкой груди, успокоиться в чьих-то объятиях... С некоторым усилием и даже изрядной долей презрения к себе она оторвала взор от плеч и рук Зигмунда и обратила взгляд на Адама, ибо это его плечам и ру-

кам теперь предназначено было утешать и успокаивать ее!

Ситуация сложилась неловкая. Юлии полагалось бы ответно отрекомендоваться, однако назвать свое настоящее имя у нее не было ни малейшей охоты. Если только Адам узнает, как она водила его за нос все это время, он сейчас же вскочит из-за стола и ринется прочь от нее, невзирая на всю свою великую любовь! Довольно и того, что он напряженно молчит, хотя из соображений приличия мог бы представить Юлию пани Коханьской, то есть своей женой, пусть это и не отвечает истине!

Между тем молчание затягивалось, и Юлия уже совсем было решила назвать девичью фамилию своей матушки — Корф, под которой и знал ее Адам, как вдруг заметила, что жених ее бледен и смотрит на Зигмунда, будто школьник на сурового учителя, ну а тот уставился на него с таким высокомерным пренебрежением, что Юлия, будь она мужчиною, тотчас вызвала бы его на дуэль за один только этот взгляд.

— Кого я вижу! — развел руками Зигмунд. — Да ведь это Коханьский! Какими судьбами здесь? Тоже спешишь в Варшаву?

Адам кивнул, затем быстро замотал головою, и в глазах его появилось затравленное выражение, ударившее Юлию в самое сердце. Она даже и помыслить не могла, что эти прекрасные тонкие черты способны исказиться таким страхом!

— Нет, — выдавил наконец Адам. — Мы, собственно... мы... — Он осекся, умоляюще глядя то на Зигмунда, то на Юлию, которая почувствовала себя дура душой, особенно когда Зигмунд снова поглядел на нее — с тем же непостижимым выражением удив-

ления и недоверия. И неизвестно, что было хуже: умирать от стыда под этим взглядом — или увидеть, как презрение в глазах Зигмунда сменилось нежностью, едва в поле его зрения появилась Аннуса, нагруженная таким огромным подносом с яствами, что из-за них едва виднелось ее миленькое личико и голубенькие глазки, повлажневшие от волнения.

О Юлии Сокольский позабыл вмиг, будто ее и не существовало вовсе.

— Аннуса! Светик! — воскликнул он, ловко подхватив поднос и с легкостью швырнув его на стол. — Дай же поглядеть на тебя! Боже, сколь же ты сделалась хороша да пригожа! Я всегда знал, что ты будешь красавицей, но чтоб такова?! — Он обежал нескромным взором заманчивые стати девушки.

«Красавица?! — возмущенно подумала Юлия. — Да она совершенная кукла!»

Почему-то ее невыносимо раздражала эта Аннуса, которая так и сияла в преувеличенных — слепому видно! — комплиментах этого господина.

— Ох, какая цепочка! — Зигмунд уставился на крестик, который скорее лежал, чем висел на пышненьких грудях Аннуси, расчетливо приподнятых тесным корсажем, и даже тронул эту цепочку, чтобы лучше разглядеть, ну а что ладонь Зигмунда походя огладила волнующуюся грудь, заметила только Юлия. Впрочем, нет: могучая пани Юзефа, вошедшая со вторым огромным подносом, тоже не оставила без внимания поведение дочери и так резко свела свои широкие черные брови, что Юлия даже удивилась, как это они не столкнулись с грохотом, подобно двум грозovým тучам.

— Аннуся! Помогай! — рывкнула хозяйка, и девушка отпрянула от ласкового обольстителя, который, впрочем, успел шепнуть ей напоследок нечто такое, отчего кровь прилила к ее щекам, а груди от волнения почти выскочили из корсета.

«Убей бог, если он не позвал ее на ночь в свою постель!» — с внезапной, свойственной только женщинам прозорливостью догадалась Юлия и послала Аннусе самый презрительный взгляд, на который была способна. Однако тут же пыл ее поутих, ибо она задумалась о собственном положении.

Бог с ним, с неодобрением этого Сокольского! В конце концов, Юлия и сама знает, что рыльце у нее в пушку. Но с Адамом-то что приключилось?! Даже если он знаком с Зигмундом и растерялся в первое мгновение, почему сейчас не встать из-за стола под предлогом усталости, не удалиться в предназначенные им покои и не забыть о неприятной встрече? Ведь они теперь принадлежат друг другу и грядущая ночь принадлежит им — как и вся жизнь!

Она радостно встрепенулась, когда Адам поднялся, но тут же ее будто ледяной водой окатили, ибо он и не глянул на свою нареченную, а, повинувшись не приметному жесту Зигмунда, вышел вслед за ним на крыльцо.

Загадочный Валевский удалился умыться в сопровождении Юзефы, хозяин где-то хлопотал, Аннуся, верно, приводила в порядок чувства и корсет, так что Юлия осталась в горнице одна. Черная толстая моська, лежавшая у порога, время от времени тьякала на нее, словно тоже была исполнена презрения к беглянке.

О чем они там говорят? Почему так затрепетал Адам при встрече с Сокольским? А если это какой-то родственник, изумленный тем, что Адам не в Варшаве, в своей школе подхорунжих¹, а за много миль от нее, вдобавок — в компании с дамой! А вдруг... Вдруг все дело в даме, то есть в Юлии? Вдруг Адам помолвлен или, спаси Господи, женат, а Сокольскому об этом известно, и сейчас решается ее судьба?!

Воровато оглянувшись, Юлия подхватила и шмыгнула в сени. Дверь на крыльцо была чуть приотворена, и девушку сразу охватило сквозняком, однако его ледяные объятия казались дуновением зефира в сравнении с ледящими душу словами, доносившимися с крыльца.

— Какого черта ты здесь делаешь?! — яростно вопрошал Зигмунд, но ответа Юлия почти не расслышала: верно, у Адама вовсе пропал голос. Она разобрала что-то вроде «встреча», «сердце», «жениться» и поняла, что Адам рассказывает об их планах, и преисполнилась горячей надежды, что теперь-то Сокольский оставит их в покое.

— Ну прямо Троил и Крессида! — с иронией воскликнул тот. — Все это так трогательно, что я чувствую колотье в боку! Одного не могу понять: два-три дня подождать нельзя было?! К чему такие хлопоты? Понимаю, сейчас ее отец, конечно, против вашего брака, но ведь после завершения событий девица сама упала бы к тебе в руки как созревший плод! Чего молчишь? Или... Ах вот оно что! Так ты не случайно ударился в бега именно сегодня? Ты... дезертировал?!

¹ Подхорунжий — подпрапорщик (*польск.*).

Юлия ожидала, что теперь-то раздастся возмущенный возглас Адама, но тот не издал ни звука. Получается, что этот Зигмунд прав?! Однако откуда дезертировал Адам? Бросил учебу — так разве это преступление?

— Вот что, Коханьский! — произнес Зигмунд после недолгого, но тягостного молчания. — Я вижу только один способ все поправить. Ты немедленно возвратишься в Варшаву, чтобы завтра же быть в деле, к которому призывают нас долг и честь! На тебя замкнуто слишком многое, чтобы я мог позволить тебе вот так всем пренебречь, подвести товарищей, поставить под удар общее дело! К тому же, промедлим сегодня — потеряем завтра. История, знаешь ли, не ждет опоздавших!

Адам что-то прошелестел в ответ, однако Зигмунд только хмыкнул:

— Коли уж между вами и впрямь такая великая страсть, то красотка дождется своего рыцаря, хотя бы и на этом постоялом дворе! Вернешься к ней с победой, овеянный славой. Кроме того, ты ведь понимаешь, что княжне Юлии Аргамаковой в такой день, каким будет завтрашний, лучше оказаться подальше от Варшавы.

Потом, позднее, Юлия не раз удивлялась, как же ее тогда не озадачили, не напугали намеки Зигмунда на какие-то особые события, которые должны произойти в Варшаве. Наверное, она слишком была поглощена любовью к Адаму и его любовью к ней, страхом, что вскрыется ее ложь... Что она уже вскрылась!

— Юлия Аргамакова? — воскликнул Адам, от изумления наконец обретший голос. — Да нет, вы что-то путаете!

— Пикантная история! — пробормотал Зигмунд. — Ты путешествуешь с особой, которая, сверх редкой красоты, считается еще и одной из богатейших невест в империи — да за такое счастье сколько рыцарей головы бы положили! — и при этом не знаешь, кто она такая?!

Поодаль прошелестели чьи-то торопливые шаги, и Юлия отпрянула к стене. Стены, впрочем, там не оказалось, и она едва не рухнула в маленький коридорчик, оканчивающийся лесенкой. Она безотчетно стала взбегать по крутым ступенькам, но почти сразу задохнулась и замерла, поникнув на перилах. Почему-то вспомнила, как обожала в детстве подслушивать под дверь, а старшие не знали, как ее отучить от этого. И вот как-то раз за чаем отец вдруг уставился на нее с ужасом и воскликнул: «Что с твоими ушами? Почему они так выросли?!» Юленька недоверчиво схватилась за голову, а матушка подлила масла в огонь, грустно объяснив: «Так всегда бывает с теми, кто подслушивает!» Как назло, в столовой не оказалось ни одного зеркала, и тогда Юленька уставилась в сверкающий круглый бок самовара, надеясь, что над нею подшутили. О ужас! Мало того, что у нее и впрямь выросли уши, — все лицо ее исказилось до неузнаваемости! В самоваре отражалась вовсе не она, а некое расплывшееся, как блин, чудище! Она разразилась рыданиями, и даже когда загадка самовара разъяснилась, долго еще не могла избавиться от страха! С тех пор она навеки зареклась подслушивать и преступила свою клятву только сегодня. Однако она невольно ощупала голову, поддавшись детским кошмарам... Впрочем, в этот момент она, пожалуй, предпочла бы выросшие уши тому, что случилось.

Черт принес этого Зигмунда! Никакой он не Сокольский, а самый настоящий Вороновский! Черный ворон, ишь раскаркался: «Ар-ргамакова! Ар-ргамакова!» Ему-то какова печаль? Ему-то что до Юлии? Разве он поймет, что сначала так сложились обстоятельства, а потом уж она не могла признаться, считая все игрой, просто детской игрой! Сейчас игра зашла слишком далеко, и, как ни оправдывала себя Юлия, она не могла не признать одного: Адам, конечно, обманут ею.

РЫЦАРЬ СПАСАЕТ ДАМУ

А виновата во всем была оперетка. Модная оперетка про какую-то юную герцогиню — Герольштейнскую, что ли, — которой было очень тоскливо и одиноко во дворце, и она, шутки ради, переделалась в платье своей субретки и отправилась на прогулку, а в лесу повстречала молодого красивого егеря — и влюбилась в него. Вот это была жизнь! Не то что в ее дворце, где правят этикет, скука, где только и говорят о войне с соседним герцогом! Опасаясь потерять любовь, герцогиня назвалась вымышленным именем и решила оставить все: богатство, власть, замок, где она так скучала, и бежать со своим милым куда глаза глядят... Однако бдительные герцогинины министры изловили ее — и егеря тоже — на месте преступления. Тут-то и выяснилось, что егеря — вовсе не егеря, а тот самый соседский герцог, с которым нашей герцогине следовало начать войну! Разумеется, вместо войны сыграли свадьбу...

Почему-то сия незамысловатая история тронула Юлию до глубины души. Вот здорово, подумала она

тогда, если бы такое чудное приключение произошло с ней! А то жизнь так скучна, так однообразна! Она бросила упрек небесам и попросила для себя чего-нибудь эдакого, невероятного...

С чего началось приключение отчаянной герцогини? С переодевания. И первым делом Юлия перевернула все шкафы и сундуки и отыскала синее мериносовое платье с белой кружевной отделкой — одно из ее домашних платьиц времен еще институтских. Буколки уложила как можно скромнее, ну а капор своею незамысловатостью заставил бы зарыдать от умиления даже самую суровую бонну. Она знала все черные ходы в доме, укромные переходы, известные только прислуге, и ей не составило труда ускользнуть от бдительного ока взрослых этими тайными путями. Без помех выбралась и за ограду сквозь укромную калиточку в проулок, повернула за угол — и просто-таки ощутила, как растворилась в свете и гомене Нового Свята — главного променада Варшавы.

Воздух города пьянил, дурманил, Юлии хотелось зайти в каждую лавочку, постоять у всякой витрины, примерить каждую шляпку, напяленную на восковую раскрашенную болванку, приложить к платью всякий кружевной воротничок, приостановиться возле всякой торговки, купить золотистых, пузатеньких, горячих, усыпанных маком бубликов, называемых «пляцки», или — о, ужас! — насыпать в карман семечек! И букетик, хоть самый простенький, из братков, левконьев или вовсе румянок¹. Ну что-ни-

¹ Братки, левконья, румянки — анютины глазки, левкои, ромашки (*польск.*).

будь сделать такое, чего она никогда не делала! Однако цель ее пути была впереди. И она не хотела заменять на маленькие радости большую, главную, заветную. Чашка кофе в «Вейской кафе» — вот это приключение! Вот это эпатаж!

«Вейска кава» — «Деревенская кофейня» на окраине Варшавы, место самое любимое и всеми посещаемое. Все Юлечкины подруги там побывали и наперебой рассказывали о прелести этого местечка, о раскованности (но не распушенности!) тамошних нравов. Ну и уж само собою — в доме Аргамаковых посещение «Вейской кавы», этого гнездилища разночинцев, загоновой шляхты¹, как презрительно выражался князь Никита Ильич, было мало сказать запрещено — невысказано, невозможно! А коли так, Юлия, «неслух своеобычный», непременно должна была там побывать.

И побывала! Она сидела на лавке за широким деревянным столом, она глядела на очаг, уставленный множеством кофейников и гарнитушек с кипячеными сливками, она с упоением прихлебывала горько-сладкую, мутно-пенистую «каву» — как все! как взрослая! как настоящая эмансипе! Сначала ежилась от смущения, но постепенно освоилась и даже отвечала — глазами, разумеется! — на заинтересованные взгляды молодых шеголеватых панов, втихомолку мечтая, чтобы кто-нибудь попытался с нею заговорить. Но хоть мужчины и щедро одаривали ее взорами, никто, даже белокурый и очень красивый юноша, который просто-таки глаз с Юлии не сводил, не

¹ Загонова шляхта — мелкие, беднейшие дворяне (польск.).